

Вместо сигареты я смочил губы языком и сразу по выезде из Врат направился в офис — нужно было вернуть грузовик, который от тяжести едва поворачивал.

Затем я заскочил в круглосуточный магазин. Чувствуя себя куда легче после того, как выбрался из грязной машины, я уже собрался купить сигареты, как вдруг мой взгляд упал на чашку лапши быстрого приготовления на правой полке.

Это был «Юк Сабаль Мён». Знаменитый тем, что в чашке вкуснее, чем в пакете, «Юк Сабаль Мён». Известный своей упругой лапшой — вкусной и в сухом виде, и в варёном. А ещё — злополучный рамён, который сняли с производства года два-три назад, когда компания разорилась из-за аварии у Врат.

Шестнадцать тысяч вон за штуку. Пятьдесят тысяч за две.

И что это за цены? Просто смехотворно. Кто станет продавать рамён, который раньше стоил меньше тысячи, за шестнадцать тысяч?

Я уставился на чашку с лапшой, и продавщица за прилавком встала и обратилась ко мне:

— Давненько не видели этот рамён, правда? Хотите взять один?

Да, давненько. Я бы, пожалуй, взял. Проблема в цене. Не слишком ли это наглое перекупательство?

— Мы сегодня целый ящик продали, это всё, что осталось. Покупатели брали по одной штуке.

В ящике, наверное, двадцать четыре чашки. Сколько же они на этом заработали? Настоящие жулики.

— Э-э... если не берёте, то ладно... Вам пачку сигарет? «Мальред», да?

До зарплаты за уборку было ещё далеко. Аванс давно ушёл на погашение процентов по кредитам, а остаток должны были перечислить только после завершения зачистки. Так что наличных у меня было в обрез.

Подумав, я запустил руку в рабочий карман. Потом вывернул его наизнанку и вытряхнул над прилавком. Несколько купюр и монет образовали на стойке маленький кружок. Ровно столько, чтобы хватило на две пачки «Мальред Ред» или на одну чашку «Юк Сабаль Мён».

Всю ночь, собирая останки монстров, я не гнушался прикармливать каждую подвернувшуюся тысячевую купюру и каждую монетку. Деньги, скопированные Вратами, считались фальшивыми и были вне закона.

Но какая разница.

Пока не поймали — не преступление.

Я быстро смочил пересохшие губы языком и сказал:

— ...Дайте одну.

— Сигарет или «Юк Сабаль Мён»?

— «Юк Сабаль Мён».

Когда я добрался до дома, сжимая в усталой руке единственную чашку ра­мёна, уже вставало солнце.

Мой домишко — каменная ви­лла с трещиной, поползшей от первой колонны, — почти опустел. Это был безлюдный квартал, прозванный «Мусорной деревней». Из-за признаков скорого открытия Врат, замеченных три месяца назад, восемьдесят процентов жителей давно съехали, получив государственные суб­сидии.

На дорогах то и дело появлялись провалы, тротуары покосились от вывороченной плитки. Бессильные светофоры медленно уходили под землю.

В этом месте, где на улице не встретишь ни кошки, ни муравья, я остался вместе с другими бродягами — у каждого из них была своя история.

У этой старой ви­ллы, где никогда не знаешь, когда откроются Врата и засосут тебя внутрь или вылезет монстр и перегрызёт глотку, было одно преимущество. Главный недостаток — опасность — отпугивал коллекторов, и они не совались сюда сломя голову.

Я куда больше боялся медленно удушающего долга, чем монстра, способного прикончить меня одним ударом.

Но сегодня случилось нечто странное. В почтовом ящике у лестницы на первый этаж появилось письмо, которого я раньше не видел. Конверт, торчавший из моего ящика №302, был белым и даже на вид плотным.

«Какой сумасшедший почтальон забрёл в такую глушь?»

Заинтригованный, я вытянул шею, чтобы разглядеть получше. На конверте стояла печать «Дешмента» и адрес центра. А текст, напечатанный прямо над адресом, гласил:

«Руководство по трудоустройству Проводников».

Спам, разумеется.

Поняв, что это такое, я усмехнулся. Это была моя первая улыбка за последнее время. Какой бездельник разослал такие спам-письма? Содержание было очевидным: либо требование вступительного взноса с указанием номера счёта-одногодневки, либо QR-код фишингового сайта для кражи личных данных.

Я покачал головой и поднялся по лестнице, оставив конверт нетронутым в почтовом ящике.

Поднимаясь по металлическим ступеням, где отдавалось эхо моих шагов, я чувствовал себя хорошо. Я предвкушал, как отправлю в желудок тот самый «Юк Сабаль Мён». Напевая себе под нос, я заменил утреннее птичье щебетанье.

То, что ты сова, не значит, что ты ленивее воробья.

Мой распорядок был неизменен: засыпать ранним утром, просыпаться вечером, работать всю ночь напролёт. Даже в одинокой жизни, где никто за тобой не следит, существуют свои правила.

С понедельника по воскресенье моя работа была неизменной круглую неделю. Единственным разговором с кем-либо была похвала от старого менеджера в конторе, где я забирал грузовик и оборудование:

— Нет никого надёжнее тебя — никогда не опаздываешь и не сбегаешь.

Я лишь неловко кивнул, но это хорошее настроение продержалось у меня всю ночь. Даже убирая ужасно грязные завалы в тёмных Вратах, я уставал меньше обычного.

Если и была в моей тихой жизни какая-то странность, которую я ощутил, пережёвывая тот короткий разговор раз десять, — это учатившиеся спам-контакты.

Прошло десять дней с тех пор, как в почтовый ящик старой виллы пришло первое письмо. Я думал, что это единоразовая шутка, но с того дня ящик продолжал заполняться письмами.

Работа была тяжёлой и выматывающей, поэтому я как следует проверил почту только после того, как накопилось четыре конверта. На каждом — печать Дешмента в центре и адрес центра внизу.

Десять писем за десять дней. Я намеренно не выбрасывал конверты, заполнявшие ящик. Я не хотел оставлять следов того, что читал и выбрасывал их — боялся, что кто бы это ни был, какой-нибудь бездельник-мошенник, убедится, что «здесь кто-то живёт».

Моим ответом на эту явно безумную выходку было игнорирование. Я думал, если не проявлять реакции, они решат, что здесь никто не живёт, и отстанут.

Но нелепая выходка только разрасталась. Мой старый телефон, которому в этом году стукнуло семь лет, был завален пропущенными звонками и сообщениями — так, что я боялся, как бы он не сломался.

Я проверял телефон только перед входом во Врата и после выхода. Редко когда он звонил. У меня не было ни семьи, ни друзей, которые могли бы мне позвонить, — только изредка звонили из агентства временного трудоустройства, где я иногда подрабатывал, или из наёмного бюро, где я числился.

Так что более двадцати пропущенных звонков с незнакомых номеров каждый день выглядели крайне подозрительно.

Каждый раз я блокировал номер, а они звонили снова — с чуть другим. Когда число

заблокированных номеров перевалило за два десятка, любопытство взяло верх, и я забил номера в поисковик.

И тут — словно грибы после дождя — повыскакивали официальные сайты и контактные карты рекрутеров из Дешмента и других центров, о которых я слышал.

«Похоже, это всё-таки не розыгрыш, а что-то серьёзное...»

Вот тут я встревожился по-настоящему.

«...Должно быть, меня поймали на использовании фальшивых денег».

По спине пробежал холодок, руки и ноги онемели от чувства надвигающейся беды. В голове, вместо мозгов, был один «Юк Сабаль Мён».

Покупка «Юк Сабаль Мён» на фальшивые деньги из Врат — вот в чём была проблема. Неудивительно, что ночная продавщица в магазине запомнила марку сигарет, которые я курил.

Должно быть, им с самого начала казалось моё поведение подозрительным. Сообщить куда следует было бы естественным решением... К тому же, когда приедет полиция, у них будут записи с камер наблюдения.

— Ха...

Использование фальшивых монет — действительно моя вина. Но мне всё равно было обидно. Если бы я купил что-то, стоящее своей цены, — возможно, но я получил всего лишь чашку «Юк Сабаль Мён»... Не могу же я угодить за решётку из-за одной чашки рамёна.

Поколебавшись перед потрескавшимся экраном, я открыл папку входящих сообщений, забитую уведомлениями «не прочитано». Длинные письма встретили меня стеной текста:

«Сон Морэ. Центр Дешмент в Корее хотел бы привлечь вас как опытного Проводника. Вы отобраны в кандидаты на должность личного Проводника для Стражей класса А0 и выше. Просим связаться с нами. Вакансия будет закрыта после найма, детали обсудят при личной встрече. Ваше резюме приложено к письму и выслано по почте — просим вас рассмотреть предложение положительно. С уважением».

«Сон Морэ. Мы отправили вам письмо на адрес songsand@ggard.com. Пожалуйста, проверьте и ответьте; если адрес указан неверно, сообщите, и мы отправим повторно».

«Сон Морэ. Из соображений безопасности мы хотели бы изложить подробные условия при личной встрече. Свяжитесь с нами».

Сон Морэ, Сон Морэ, Сон Морэ... Множество сообщений, в которых точно называлось моё имя. Я провёл пальцем по потрескавшемуся экрану, и тревога моя росла.

На краткий миг в голову пришла глупая мысль. А что, если Дешмент действительно связался со мной, и это не розыгрыш и не чья-то самодеятельность?

Есть ли шанс, что меня на самом деле отобрали как Проводника для Стража из Дешмента? Может ли великий Дешмент обладать способом отбора Проводников без прямых тестов на совместимость?

Я усмехнулся. Будь я В-класса, или хотя бы С+, я бы, возможно, поддался этой нелепой мечте. Будь я таковым, я бы по-дурацки ответил: «Правда? Это не шутка?»

Но быть Е-классом — даже не D, — поистине прискорбно.

Я пробежал глазами сообщения и с других номеров — все они были похожи. Предложения стать профессиональным менеджером, представления охотников за головами — формулировки разнились, но суть была одна: меня хотят переманить.

Тогда ответ был очевиден.

«Должно быть, полиция проводит операцию по поимке...»

Дойдя до самого правдоподобного вывода, я нахмурил лоб.

Если я клюну на приманку и выдам всю свою информацию, расследование сомкнётся вокруг меня, и они раскроют моё несанкционированное проникновение во Врата для уборки обломков.

Не только я, но и контора по уборке, и субподрядчик окажутся в наручниках — а я не мог этого допустить из-за чашки «Юк Сабаль Мён».

«Хорошую работу найти нелегко. Платят неплохо, можно работать одному, и у меня хорошо получается».

Мне нравилось бродить по руинам и собирать останки монстров.

Другие, возможно, содрогнулись бы от одной мысли об этом, предпочтя убирать трупы людей, — но для меня это была драгоценная работа. Поэтому я решил избегать контактов насколько возможно.

По крайней мере, мне нужно было закончить эту уборку, чтобы получить остаток. Только тогда я мог протянуть ещё один месяц на плаву...

С процентами по кредитам, накопившимися за два года на сумму более десяти миллионов вон, эти деньги были мне отчаянно необходимы.

Несмотря на терзающие тревоги, я не мог сменить номер телефона. Угрозы ростовщиков выколоть мне глаза, если я снова исчезну, — проблема сама по себе, к тому же я никогда не знал, когда и откуда может поступить заказ.

И я оказался прав. Как только я закончил зачистку Врат и выехал на дребезжащем грузовике из выхода, телефон завибрировал. Думая, что это очередной спам-звонок, я глянул на номер — и на экране высветилось: «Наёмное бюро Джинхан».

Я нажал кнопку вызова, прижав трубку к уху, и прибавил газу. Я решил, что нужно побыстрее вернуть грузовик и взяться за работу. Как и ожидалось, сотрудник конторы встретил меня

вопросом, смогу ли я выйти срочно.

— Буду через тридцать минут. Опять «Хан Гон»?

В ответ прозвучало «Да», и разговор оборвался. Этот ответ был словно плевок в лицо. Во рту появилась горечь, я втянул воздух сквозь зубы, надув щёку, и слегка покачал головой, чтобы отогнать мысли.

«Наёмное бюро Джинхан» было частной организацией, а не официальным военным формированием — они брались за нелегальные заказы за пределами Врат, не ввязываясь в полномасштабные сражения. Это было почти единственное место, где использовали посредственных Проводников вроде меня для своих разношёрстных наёмников-Ньютайпов.

Быть Проводником в наёмном отряде не было чем-то особенным. Из-за строгого закона о регистрации Проводников это была всего лишь подработка на бумаге. С моим неполным средним образованием возможность время от времени получать вызов из наёмного бюро на карманные расходы была для меня благом.

Проблема заключалась в Ньютайпе С+ класса — Хан Гоне.

С прошлого года он начал вести себя так, будто мы созданы друг для друга, и распускать руки. Он был наёмником с мерзким характером и низкой способностью к сочувствию.

Он был единственным Ньютайпом в конторе младше меня — и, судя по всему, считал это своим главным козырем.

От природы сквернослов и грубиян, он вызывал во мне омерзение при каждом сеансе Проводничества.

Он вечно пытался переступить черту — превратить лёгкий физический контакт, необходимый для Проводничества, в нечто большее.

Если он попробует снова — убью его сегодня.

Эта мысль пульсировала в голове, пока я быстро шагал, вернув грузовик. В реальности же — если я причиню вред, не говоря уже об убийстве, молодому Ньютайпу, который был активом наёмников, — это лишь добавит мне долгов. Оставалось лишь твёрдо решить не уступать этому мужлану.

<http://bllate.org/book/18111/1736685>